

Институциональные ловушки ручного управления российской экономикой

© 2013 Димов Владимир Александрович

доктор экономических наук, главный научный сотрудник

© 2013 Саришвили Григорий Наскидович

кандидат экономических наук

Институт экономики Российской академии наук

117218, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32

E-mail: dimov@inecon.ru; grinsa@mail.ru

Рассматриваются перспективы перехода российской экономики к неручному управлению - режиму свободного предпринимательства. Если подходить к достижениям современной демократии прагматически, то необходимость такого перехода очевидна. Из этого вытекает понимание институциональной роли среднего класса для эффективной конкуренции, социальной стабильности и нового источника экономического роста.

Ключевые слова: институты гражданского общества, институциональные реформы, неручное управление экономикой, средний класс, мотивация, свободное предпринимательство, перераспределение функций федерального центра

Экономика и гражданское общество

К началу XVI в. началось культурное взаимодействие России с Европой, были предприняты робкие попытки модернизации хозяйственной системы. Самодержавие Ивана Грозного торпедировало эти попытки и ввергло страну в исторически самую длительную русскую Смуту. Только с конца XVII в. начался затяжной период догоняющего развития России. Царь Петр сформулировал идею первой модернизации просто: возьмем вооружение, флот, просвещение и т.д., а потом повернемся к Европе задом (В.О. Ключевский). Хотели взять европейский опыт для усиления государства, но не взяли институт ограниченной монархии и политические институты разделения властей. Обрили бороды и одели в новые кафтаны придворных, но сохранили крепостное право.

С началом современного экономического роста цивилизационный разрыв на уровне душевого ВВП между Россией и Европой станет кратным. По Мэдисону, в 1870 г. отставание России от Англии было как 1 : 0,32, от США в 1913 г. как 1 : 0,28. Страны-лидеры экономического роста достигли уровня душевого ВВП России за 2001 г. в следующие сроки: Англия - в 1934 г., США - в 1935, Австралия - в 1936, Канада - в 1941, Швеция - в 1944, Германия - в 1953, Франция - в 1951, Италия - в 1959 г. И причина не только в неразвитости государства, причина в ручном управлении экономикой, в отсутствии среднего класса.

Естественное развитие - регулирование экономики самим гражданским обществом и смена типов экономических политик в маятниковом

режиме. Не нарушать законы конкуренции во имя "высших" политических интересов, а самому среднему классу обеспечивать модернизацию производства и повышение конкурентоспособности национальной экономики - это возможно только в случае вывода страны, общества и экономики из институциональной ловушки российских "особенностей", которая до сих пор предопределяет отставание России от стран с эффективной конкуренцией и средним классом.

Известна квинтэссенция политической мудрости Аристотеля: "Незрячее большинство видит дальше "зрячего" меньшинства". Это серьезно и глубоко. Это первый фундаментальный закон демократии, с одним небольшим комментарием: "незрячие" и "зрячие" у Аристотеля - свободные люди. "Незрячее большинство" в постсоветской России, опутанное мифами ксенофобии и националистическими комплексами тоталитарного происхождения, не имеет демократического самосознания. Чтобы преодолеть этот исторический барьер, надо стать другими людьми - обладателями ценностного кода демократии, надо нескольким поколениям наших соотечественников пройти через механизмы поэтапного формирования демократического самосознания, т.е. через институты гражданского общества.

Еще один итог политической мудрости Аристотеля: "Только среднее стремится к совершенству", т.е. наиболее эффективна мотивация для людей со средними доходами. Ни богатые, ни бедные такой мотивацией не обладают.

"Славная революция" 1688 г. - мирная, бескровная и последняя в истории Англии - стала

возможной в результате политического союза аристократии и среднего класса. Политические результаты этого союза были таковы, что Джону Локку оставалось только теоретически обосновать данную конструкцию. Когда Д. Локк говорит о законодательной власти, он имеет в виду парламент, когда говорит об исполнительной власти - короля. Верховной властью является законодательная власть, которая выражает интересы среднего класса и потому является добродетельной. Исполнительная власть таковой не является, что служит причиной конфликтов между обеими ветвями власти.

В эпоху после Локка исполнительная власть в Англии стала зависеть от парламента - премьер-министром и членами правительства могли стать только депутаты победившей на выборах партии. Король или королева лишь принимают присягу премьер-министра. Одновременно премьер-министрам предоставлено право инициировать роспуск парламента в случае его кризиса.

В 1792 г. двадцатилетний романтик Вильгельм Гумбольдт (1767-1835), брат будущего естествоиспытателя Александра Гумбольдта, выпускник университета Франкфурта-на-Одере, написал политическое исследование "О пределах государственной деятельности". Отрывки из этого полемиического произведения были опубликованы его другом Фридрихом Шиллером в 1793 г., но в целом работа так и не была опубликована при жизни автора. В его посмертно изданной книге можно усмотреть влияние французских просветителей XVIII в., но даже у них не было такой идеи: слабое государство - комфортное государство. Слабое - в смысле пресса насилия и принуждения в отношении своих граждан, но сильное в другом отношении - в смысле создания комфортных условий для жизни индивидуумов и всего общества. Государство как средство, а не как цель. Государство, подчиненное обществу. Сам Гумбольдт отчетливо понимал, сколь актуально ограничить функции государства. Забота о безопасности государства и благе для всех зачастую приобретает гипертрофированные масштабы и подавляет индивидуальность граждан, наносит вред отдельно взятому гражданину, так как применяется к большинству и с большими погрешностями. Такое безграничное в своих полномочиях государство препятствует развитию индивидуальности и сохранению своеобразия человека. Более того, оно становится источником общественного вреда и в конечном счете приносит вред самому себе.

Во Франции либеральную традицию продолжил Токвиль. Чем отличается Токвиль от двух

великих современников - К. Маркса и О. Конта? Маркс был исследователем капитализма как общественной и экономической системы, Конт исследовал основания индустриального общества. Токвиль же исследовал феномен демократии, и в этом его непреходящая заслуга перед наукой.

Токвиль представлял себе американскую демократию в образе секвойи, стволом которого является демократическая вертикаль свободных ассоциаций граждан по интересам. На вершине этого демократического дерева - двухпартийная система, Конгресс и Президент. Эпоха президента Эндрю Джексона - это исторический период многополюсной американской демократии, мир маленьких городов, где каждый знал каждого, рождались безумные экономические проекты и авантюры, где кипели нешуточные газетные страсти, местный шериф обладал всей полнотой исполнительной власти, а законодателями выступали многочисленные демократические ассоциации и организации. Именно из этого очага народных страстей и выросла американская демократическая традиция, сильная демократия.

Сложность восприятия Токвиля и его творчества связана также с двойным историческим контекстом его идей. В 1835 г. тридцатилетний Токвиль, впервые попав в пестрый мир зарождающейся американской демократии, отметил агрессивный индивидуализм американцев, их гражданскую активность и амбициозность молодой американской нации. Первый том "Демократии в Америке" в целом является оптимистическим прогнозом для президентской республики. Во втором томе главным героем является уставшая и инертная демократия. Если в первом томе энергия гражданской активности и индивидуализм побеждали неизбежную тиранию большинства, то во втором томе "Демократии в Америке" Токвиль большое внимание уделяет анатомии демократического застоя и его последствиям.

Отсутствие экономического анализа - слабое звено анатомии демократии Токвиля. Но у него свои очевидные преимущества. Он первым установил связь эффективной демократии с наличием вертикали общественных саморегулируемых организаций, созданных в малых и больших американских городах. Данную демократическую вертикаль может усилить и поддержать пресса, но заменить ее она не в состоянии.

Известный теоретик американского либерализма, сторонник теории цикличности исторического развития Артур Шлезингер-младший говорил, что на исходе 1970-х гг. американцы "впали в политическую хандру", что их охватила апатия по отношению к общественным проблемам, что в стране существует разрыв между

политическим и реальным миром. По мнению Шлезингера, этот процесс соответствовал циклическому развитию, при котором периоды “активизма”, приверженности высоким обязательствам, усиленной деятельности общественной ответственности чередуются с периодами “усталости”. Чередование этапов национального “активизма” и национального кризиса приводит к состоянию национального спада. Периодически люди просто устают и хотят освободиться от политики и политических проблем вообще.

“Оглянитесь на это столетие, - продолжал Шлезингер. - Первые два десятилетия были отмечены высокой активностью: это был период прогрессистов, Первой мировой войны и требовательных лидеров вроде Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона. К 1920 г. начался период упадка. Затем последовало десятилетие движения к общественным проблемам, “приватизации” и “нарциссизма”.

Затем были “Великая депрессия”, “Новый курс”, Вторая мировая война, “Справедливый курс” Трумэна, начало холодной войны и война в Корее. Это привело американцев в 50-е годы к новому периоду национального истощения, пассивности и бездеятельности. А затем были Кеннеди и Джонсон, “Новые рубежи” и “Великое общество”, была расовая революция, была самая непопулярная в американской истории война, смута в студенческих городках и отчуждение молодежи, был Уотергейт, состоялся импичмент президента Никсона. И вновь наступил период национального спада, в котором мы и находимся”.

Американские консерваторы придерживались “твердого индивидуализма” Г. Гувера: “Хорошо то правительство, которое меньше правит”. Государство с его разросшимся и неспособным эффективно управлять бюрократическим аппаратом, неразумным вмешательством во все сферы экономики и социальных отношений, “большое правительство”, которое сидит на шее у американцев и в виде налогов лишает их того, что они заработали своим собственным трудом, представлялись ему основным злом, главным источником экономической и политической нестабильности.

Демократическая партия США, партия среднего класса, наоборот, выступает в защиту социальной справедливости и общественного интереса. Пример тому - социальные программы администрации Б. Обамы. Призывы спасти средний класс в период мирового кризиса были столь же популярны, как призывы спасти американскую экономику.

Задачи модернизации исполнительной власти в России

Почему в России, несмотря на попытки государственной поддержки, малый и средний бизнес до сих пор не стал реальной движущей силой экономического роста и социального развития? Да, есть динамика по официальной статистике, но слишком велики риски для людей, которые хотели бы начать свой бизнес в реальном секторе экономики. Напомним главные риски: частые изменения законодательства, высокий уровень налогообложения, неравные условия конкуренции, налоговое администрирование, экономическая нестабильность в стране, сложности привлечения капитала, избыточное госрегулирование, рейдерство, коррупция. Как отмечает профессор А.Г. Зельднер, “избежать деструктивных последствий в развитии устойчивой экономической системы можно при сочетании институтов государства, рынка и нерыночных институтов”¹.

В интервью “Российской газете” Генеральный прокурор Юрий Чайка справедливо как-то заметил: “Почти повсеместно выявлены факты, когда органы государственной власти, местного самоуправления и контроля издают незаконные нормативно-правовые акты, касающиеся практически всех сфер предпринимательской деятельности и ущемляющие права ее участников. Такими актами, зачастую принятыми с превышением полномочий, устанавливались различные административные барьеры, вводились непредусмотренные законом сборы и обязанности. Нередко отдельным хозяйствующим субъектам предоставляются льготы и привилегии, чем ограничивается конкуренция. Установлены многочисленные факты злоупотреблений должностных лиц и коррупционных проявлений”.

Либералы-реформаторы первой волны были исключительно экономистами и ошибочно полагали, что в результате экономических реформ, без кардинальных изменений политической системы можно достичь параметров успешных экономик. Страна оказалась в ловушке праволиберальной утопии. Реальные результаты реформ - ручное управление экономикой, отсутствие модели развития. Если рынок реагирует на повышение спроса ростом цен, то какой это рынок? Если двадцать лет не меняется тип экономической политики, удобной для корпорации чиновников, то такая “стабильность” хуже всякого кризиса. Страна с традициями великой державы, огромным человеческим, научным, культурным и ресурсным потенциалом не имеет модели развития в XXI в. Это немыслимая ситуация.

“Мы можем наблюдать в современной промышленности России выработку по большей части продукции малой глубины переработки”².

Новая современная экономика может состояться только в новой институциональной среде. Назовем некоторые, на наш взгляд, очень важные составляющие их воздействия гражданского общества на государство и экономику.

Во-первых, государство, имеющее взвешенный баланс сил саморегулирования и вертикали власти, является более устойчивым. Независимые институты демократии служат мультипликаторами сил саморегулирования - местного самоуправления, бизнеса, профессиональных гильдий, университетов и академий, кооперативных организаций, ветеранских и молодежных организаций, которые готовы взять на себя многие функции избыточной бюрократии. Распад СССР был верхушечным переворотом, если бы земли (регионы) и местное самоуправление были более автономны по отношению к центральной власти, то национальный сепаратизм был бы остановлен в зародыше или была бы запущена нормальная демократическая процедура волеизъявления народа снизу-вверх.

Во-вторых, экономика всех развитых стран имеет явно выраженную тенденцию к саморегулированию. Удельный вес сектора саморегулирования в экономиках США, Германии и России составляет 80, 75 и 12 %, соответственно, не говоря уже о качестве товаров и услуг и конкурентоспособности. Там, где доля среднего класса в ВВП достигает 55-65 %, демократия и рынок не являются имитационными, это возможно.

В-третьих, институты демократии создают систему мотивации социальной и предпринимательской активности и защиту интересов среднего класса и всех граждан. Более того, существует точка зрения, что демократия в большей степени создала средний класс, чем капитализм (Лестер Туроу, например). И в этом пункте наши первые реформаторы сильно просчитались, так и не начав в переходном периоде институциональные реформы, в которых остро нуждалась страна.

В-четвертых, неручное управление экономикой - единственное эффективное средство против коррупции. Антикоррупционные технологии эффективны в условиях реально действующих институтов, но в отсутствие разделения властей, справедливого судопроизводства и независимых СМИ эти технологии не дают ожидаемого результата. Плутократия адаптируется к любым антикоррупционным мерам быстрее, чем проходят реальные перемены (их мало, они носят точечный и избирательный характер). Пока сохра-

няется ручное управление экономикой, коррупцию не победить. Системная демократия решает главную задачу - реально отделяет власть от бизнеса. Это не политический лозунг, а меры из арсенала прагматических технологий гражданского общества.

И наконец, в-пятых, политическая и экономическая совместимость с западным миром даст России возможность создать адекватный инвестиционный климат и совершить крупномасштабную модернизацию. Наше отставание таково, что без поддержки Европы и США модернизационный рывок не совершить.

В 1990-х гг. для страны, не имевшей среднего класса и институтов демократии, выбор в пользу “активного капитализма” без его социальной базы был больше чем шоком - это была политическая и экономическая ошибка, заблокировавшая развитие среднего класса и демократии, сохранившая бывшую номенклатуру во власти, ручное управление экономикой и связанную с ней коррупцию. Вместо нормального переходного периода - двадцать лет цейтнота и господства целой палитры монополий. Вопросы о смене этой политики альтернативной экономической политикой у власти пока нет.

А между тем рейтинг наций после Второй мировой войны определялся не локальными успехами в той или иной области. Мировой рейтинг определяется наличием модели развития. В последние 150-200 лет Россия была страной, где почти непрерывно происходят социально-экономические реформы, в основном, по лекалам западного происхождения, но стабильная монополярная система власти с неизбежным постоянством возвращала страну и общество на круги своя. Впрочем, какие-то цивилизационные крохи от этих реформ великодушно оставляли народу.

Если в стране блокируется развитие среднего класса и отсутствует мотивация к научному творчеству, кто будет осваивать новые технологии и производить конкурентоспособную продукцию? Сегодня мы столкнулись с рядом рыночных парадоксов - не работает не востребованная рынком приватизированная собственность, современное технологическое оборудование, некому приводить в движение громадные государственные инвестиции. Дефицит профессионального менеджмента только вершина айсберга. Призыв “Кадры решают все!” приобретает другое, несоциалистическое звучание.

Наши младореформаторы недопонимали суть движущих сил современного капитализма, так как они были рыночниками-фундаменталистами с ожиданиями, что ценовая шокотерапия поро-

дит тот самый рынок-мечту, который переведет страну, экономику и постсоветское общество на парадигму капиталистического развития. Не получилось и не могло получиться. Потому что современный капитализм и движущие силы современного рынка другие, и логика реформ должна была быть направлена не на популистские цели и перераспределение имущественного комплекса страны, а на создание полноценной модели развития и его главного субъекта – среднего класса. Во всем мире эти преобразования проводятся в так называемый переходный период. Для нашей страны он оказался упущенным периодом.

Но главной ошибкой Гайдара была не шокотерапевтическая терапия, а выбор праволиберальной модели экономической политики, которая не решала задач развития среднего класса и экономического роста. Регулирование рынка было виртуальным – рынка не было, а экономическая политика была в пользу очень богатых, близких к власти людей. Заработать таких денег, как наша властвующая элита, за такой короткий период и в рамках нормально функционирующего демократического общества нельзя даже в самой успешной экономике. Сегодня сподвижники Гайдара хотят закрепить эту социальную и экономическую несправедливость и утрату общественного интереса.

В настоящий момент надо заново отстроить неручную модель развития и отказаться от изживших себя праволиберальных догм, которые обслуживают власть, но не переводят страну в новое качество. В реальной истории России праволиберальные инструменты регулирования понадобятся лет через 20–25. Это научный прогноз. Сейчас наступило время прагматической политики, ориентированной на создание рыночных механизмов развития, а не виртуального рынка и больших финансовых потоков для самых богатых. Новый курс (25 млн рабочих мест для среднего класса) откроет двери для среднего класса и инновационной экономики. Лозунг “Воруют все” уступит место нашему национальному нравственному девизу: “В жизни всегда есть место подвигу”. Труд, творческий труд и конкуренция по-прежнему источники богатства и личного успеха. Капитализм неравных возможностей в нашей стране, где высоко ценят справедливость и общественный интерес, не имеет перспектив.

Формула успеха передовых стран Запада проста: капитализм + демократия + общественный интерес. В целом, это и есть модель неручного управления, регулируемого гражданским обществом. Все остальное – профессиональные дета-

ли. К такой модели мы будем готовы через 5–10 лет институциональных реформ.

На наш взгляд, следует отказаться от модели бизнес-правительства и ручного управления на федеральном и региональном уровнях и четко соблюдать принцип отделения власти от бизнеса, принять поэтапную программу изменений, направленных на сокращение функций администрирования в сфере экономики, на развитие механизмов саморазвития и расширения сферы неручного управления.

Исследования доказывают, что экономика ручного управления и расширенное воспроизводство коррупции – звенья одной институциональной цепи.

Экономика свободного предпринимательства – альтернатива ручному управлению

Евросоюз в течение ряда посткризисных лет продемонстрировал свою особую антикризисную политику. Из стран ЕС исключение, быть может, представляли Великобритания, разделявшая англосаксонскую модель капитализма и тесно связанная с мировыми финансовыми компаниями. Евросолидарность проявилась в адекватной реакции на кризис: надо повышать эффективность конкуренции и конкурентоспособность реального сектора.

В посткризисный период Евросоюз применял хорошо известные антикризисные модели – по обеспечению стабильности банковской системы, он организовал поддержку незащищенных слоев населения, расширил участие государства в экономике и внутренний спрос. Но все эти меры проводились на фоне усиления конкурентной политики и противодействия теневой экономике и коррупции. Был учтен негативный опыт антикризисных мер в развивающихся странах.

Государства Евросоюза не занимались масштабными финансовыми влияниями в банковскую сферу, это были кредитные линии под 4 % годовых. Бюджетные расходы росли, но действовали в рамках бюджетных ограничений. Все инфраструктурные проекты осуществлялись на новой научной и технологической основе. Социальная политика проходит все этапы демократического обсуждения и согласования. Явно популистские лидеры типа Берлускони вынуждены были уйти из политики.

Европейский опыт антикризисных мер представляет собой большой интерес для развивающихся стран. Прежде всего, это касается мер разблокирования конкуренции от негативных явлений глобализации. Если компания неконкурентоспособна, никто ей не подаст руку помощи. Создадут новую или поддержат конкурента. В

странах Евросоюза знают, что получить поддержку сельскохозяйственным производителям сегодня намного сложнее, чем в докризисных условиях. Новые структурные фонды ЕС делают это избирательно. Офшоры поэтапно ликвидируются, борьба с коррупцией приобрела системный характер.

Концептуальные подходы и антикризисная практика Евросоюза сформировались не сразу (см. таблицу). Они создали особый тип конкурентной политики - достижение совершенной конкуренции. В рамках этой концепции государство участвует в развитии национальной экономики, но практика государственных субсидий носит строго ограниченный характер и направлена на будущее. Провалы рынка, но не провалы компаний компенсируются государством по закону и под контролем гражданского общества.

Выйти на режим свободного предпринимательства - главная задача экономического разви-

берализации политической и экономической жизни (институты развития в России, а не Россия в Европе). Эта задача посильна нашей интеллектуальной элите и народам РФ. Предлагаются изменения в рамках шести блоков экономической политики.

Блок I - для госслужащих и муниципальных служащих ввести обязательное профессиональное образование. Чиновники, не имеющие второго профессионального образования (дуальное образование), не должны участвовать в замещении госдолжностей. Для VIP-уровня знание английского языка обязательно. Это не что иное, как кадровая революция. Ставка на молодых должна стать более очевидной и эффективной. Кадровая политика правительства в данном направлении уже дает результаты, но средний (региональный) эшелон пробуксовывает.

Блок II - укрупнение регионов на основе принципов экономической самодостаточности и

Сравнительный анализ режимов свободного предпринимательства в ЕС и "ручного управления" бизнесом в России и Евразийском союзе

Страны Евросоюза	Россия и Евразийский союз
Институциональные и инфраструктурные ограничения дают эффект саморегулирования	Регулирование превращается в управление бизнесом
Структурные сдвиги: инновационные направления на основе результатов конкуренции	Целеполагание в кабинетах чиновников, преследующих корпоративные интересы
Структурная политика: опережающее развитие опроса и потребительского сектора	Низкий потребительский спрос, 90 % импортных товаров
Дуальное образование и поддержка ориентации на реальную экономику	Стандартное образование, отсутствие профессионального образования, нет связи с экономикой
Наука как независимый институт. Поддержка государств, но невмешательство в науку	"Управление" наукой классом бюрократии и, как следствие, низкая эффективность
Конкурентная политика, ориентированная на интересы среднего класса	Конкурентная политика в интересах крупных монополий
Реальная конкуренция, создаваемая критической массой среднего класса	Неэффективная конкуренция и монополия крупных операторов рынка
Институты гражданского общества (средний класс, мотивация и защита бизнеса - независимые суды), управление экономикой снизу	Незрелость институтов гражданского общества, их зависимость от исполнительной власти, управление экономикой сверху

тия России; 20 лет либеральных реформ при монополии крупных компаний не дали результата. Нет четкой ориентации на средний класс, как институциональный класс, доминирование которого определяет уровень конкуренции, экономическую и социальную стабильность. Это исходная "клеточка" здоровой экономики.

Н.А. Бердяев, иллюстрируя причины Октябрьского переворота 1917 г., сравнивал Россию с многоэтажным домом, где разница в доходах и уровне культуры между этажами доходила до 50 раз. Современные децильные коэффициенты и социальные контрасты напоминают эту ситуацию. Основа стабильности - средний класс и его стандарты.

России необходимо продолжить движение по выбранной институциональной траектории - ли-

самофинансирования. Критическое, управляемое число регионов не более 40. Муниципальный уровень власти поэтапно необходимо сделать независимым с переходом на прямое финансирование укрупненных муниципальных образований (земель).

Блок III - создание эффективной региональной и отраслевой конкуренции на основе создания критической массы среднего класса и его ценностей. Основой этого блока реформ является программа создания 25,0 млн новых рабочих мест.

Блок IV - структурная политика, внешняя конкуренция, силовые функции и общий контроль за проведением экономических реформ остаются за федеральным центром. В основе про-

граммный подход и программные методы управления. Нужен специальный орган и профессиональная подготовка.

Блок V - в политике доходов “мроты” надо сделать расчетными или вообще отменить. Европейский стандарт - доход в сфере малого и среднего бизнеса. Если он равен 12,0 тыс. евро, то ни один чиновник не может получать больше.

Блок VI - наши регионы надо укреплять на принципах демократического федерализма, самофинансирования и кластерной политики, уходить от содержания регионов федеральным центром. Центру не надо тащить одеяло на себя. Вертикаль власти - оборона, силовые структуры, мониторинг реформ, некоторые виды налогообложения. Вечные реформы должны уступить место эволюционному развитию на основе двухпартийной системы и мирового опыта.

Сегодня губернатор - распределитель федеральных средств, однако он должен отвечать за реформы и переход на самофинансирование. Каждый регион должен иметь “слепок” с федеральных задач и отвечать за них в полном объеме. Борьбу за конкурентоспособность надо начинать с регионального и муниципального уровней. Когда губернаторы будут реально отвечать за результаты, будет меньше соискателей на эти должности. Распределять федеральные средства слишком простая задача.

Необходимо организовать систему региональных и муниципальных экспериментов:

- Московская область;
- Ленинградская область;
- Красноярский край;
- кавказские республики;
- Калининградская область;
- Дальний Восток;
- города-миллионники.

Сильная федеральная власть нужна будет и в будущем. Россия не может не быть демократической империей, задача лишь в том, чтобы внедрить в стране независимые институты гражданского общества, технологии организации конкуренции. И тогда мы будем не хуже по механизмам развития, чем США и Евросоюз. В рамках реализации этих простых решений появляется возможность для обновления аппарата и внедрения антикоррупционных мер. Следующим шагом должно стать отделение власти от бизнеса: здесь нужны другие масштабы модернизации.

¹ Зельднер А.Г. Сущность и истоки деструктивных тенденций в экономической системе России // Экономические науки. 2013. □ 4 (101). С. 7-13.

² Осипов В.С. Многоуровневые экономические механизмы совместного создания ценности в воспроизводственном процессе // Вопросы экономики и права. 2012. □ 12. С. 89-92.

Поступила в редакцию 02.09.2013 г.